

А. Нейман

№ 2

УБИЙСТВО

ПАВЛА I

Библиотека
„Рабочей Москвы“

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„Рабочая Москва“
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ 42

А. НЕЙМАН

УБИЙСТВО ПАВЛА I

(ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО)

Рисунки Г. Клинка

ИЗДАТЕЛЬСТВО „РАБОЧАЯ МОСКВА“

1928

Мосгублит № 52. — Тираж 150.000.

Отпечатано в 7-й типографии

„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“

МОСПОЛИГРАФА.

МОСКВА,

Арбат,

Филипповск.,

11.

I.

Граф Петр Пален, военный губернатор Петербурга, сидя у себя за столом, читал тайное донесение русского посла в Лондоне.

Подняв голову, он посмотрел в темный угол своего рабочего кабинета. Его белое широкоскулое лицо, при свете беспокойно мерцающих свечей, казалось, было искажено от страха.

Острые иглы снега барабанили по стеклам.

Пален встал и отошел от письменного стола. Большая и плотная фигура его, еле видимая в полумраке кабинета, напоминала фигуру великана. Пламя камина освещало руку, державшую донесение. Он разорвал бумагу и, высоко подняв брови, бросил письмо в огонь.

Лакей доложил о приходе вице-канцлера, графа Никиты Петровича Панина.

Панин, мужчина лет тридцати, с честным, прямым взглядом голубых глаз, войдя, остановился на пороге, как бы ослепленный ярким освещением комнаты или напуганный пристальным взглядом, которым его встретил Пален.

— Не думаете ли вы, Никита Петрович,—спросил губернатор после приветствия,—что мы не имеем сил предотвратить те обстоятельства, которые, как лавина, надвигаются на нас? Если помешанный человек, буйный сумасшедший...

Панин поднял голову.

— Вы говорите о его величестве, граф?

— Что за вопрос, ваше сиятельство?—быстро и тихо ответил Пален.—У этих стен нет ушей, а если бы они были, то я достаточно смел, чтобы заткнуть их.

Он перегнулся, опершись обеими руками об стол, и посмотрел канцлеру пристально в глаза.

— Да, конечно,—продолжал он,—я говорю о царе, о безумном сыне Екатерины, который сначала восстал против нас революционную Францию и, как шут, оклеил свои стены портретами Бонапарта,—который сначала заключил союз со всеми европейскими державами, а теперь на ножах со всеми ними—с Англией, Австрией, Пруссией и Испанией! Он сумасшедший, он обращается с людьми, как ребенок с оловянными солдатиками, которых он расставит, уронит, согнет и сломает. Завтра Россия будет представлять собой коробку изломанных игрушек!

— Зачем?—спросил хриплым голосом побледневший Панин:—зачем вы рассказываете мне эти ужасные вещи, которые я так же хорошо знаю, как и вы, и о которых мы уже часто и много говорили? Я лет на двадцать моложе вас, граф; я знаю, кто вы, я уважаю, а быть может, даже люблю вас. Но почему вы дерзаете обращаться ко мне с такими словами, которые раскрывают ваши ужасные замыслы?

Пален ударил себя кулаком в грудь и воскликнул:

— Потому что во всей великой необъятной России я—единственный человек, который может руководить переворотом!

Некоторое время двое мужчин стояли, не двигаясь, не произнося ни слова, друг против друга. Затем Панин сказал тихо, как бы про себя:

— Я знал это, и странно, я все же душою ваш, хотя я и боюсь вас. Я не могу понять вас. Вы умеете глубоко прятать свои тайны. И потом, у людей с такими большими планами преступление, обыкновенно, не считается преступлением, а хорошие намерения никогда не превращаются в хорошие дела. А я—другой человек. Вы знаете, почему царь до сих пор сохранил ко мне доверие? Потому что в душе каждого тирана заложена склонность к характерам противоположного типа. Возможно, граф,— не сердитесь на меня,—что поэтому и вы хотите меня заставить стать вашим сообщником.

Пален схватил его за руку и сказал, улыбаясь:

— И да и нет, Панин. Вы мне нужны потому, что ваша личность олицетворяет для России понятие о прямоте и честности. Обо мне—совсем другого мнения: приблизительно такого же, какое только что вы высказали. Я стремлюсь к перевороту для блага родины. Надо сократить срок царствования неизлечимо больного самодержца Павла I и возвести на престол наследника—Александра. Теперь вы понимаете свою задачу? Как лучший друг наследника, вы должны перетянуть его на нашу сторону. Я люблю этого прекрасного и доброго человека не меньше вас, но он вас любит больше меня, вероятно, потому, что вы добры. Необходимо посвятить его во все, но самым осторожным и деликатным образом. Мы не мо-

жем и не должны действовать помимо его воли и желания.

— Теперь я могу быть вашим сообщником,— ответил Панин решительно,— потому что я знаю честность ваших намерений. И я надеюсь, насколько я знаю Александра, что его решение будет согласно с нашим. Царь не сдастся без решительного боя. Думаете ли вы, что дело может дойти до убийства?

— Я не хочу крови, но гарантировать его жизни не могу. За границей уже чуют кровь. Я пришел в ужас, когда перед вашим приходом прочел это письмо.— Он указал на обрывки бумаги, лежащие у камина.— Мне пишут из Лондона, что в клубах ходят слухи о предполагаемом убийстве Павла I. И все же во всей России только два человека знают о том, что может случиться: это—вы и я.

— Вы пугаете меня, граф,— растерянно сказал Панин: моя совесть не позволит мне пойти на убийство.

— Но если я обещаю вам, что мы поставим себе целью не убийство царя, а только его низвержение, захотите ли вы тогда помочь мне?

— Тогда я с вами, граф Пален.

— Почему же голос ваш так уныло звучит?

Канцлер подошел к окну и отвернулся от Палена.

— Я предвижу кровопролитие,— тихо проговорил он,— но я жалею о том, что это расстраивает меня. Вы твердо можете рассчитывать на меня, граф.

Затем они перешли к организационным вопросам переворота, о подготовке наследника Александра и о распределении военных постов. Пален, который пользовался большим влиянием в армии, был знаком с ее настроением; он назвал двух офицеров, на которых

можно вполне положиться: командира жандармского корпуса Талызина и адмирала Де-Рибаса.

Когда Панин распрощался и ушел, Пален сбросил маску спокойствия. Он взволнованно заметался по комнате.

— О, как тяжело, — простонал он, — как тяжело! С такими людьми, как Панин, далеко не уедешь!

Через минуту он позвонил лакею и приказал, не смотря на поздний час, вызвать к себе генерал-лейтенанта Талызина и адмирала Де-Рибаса.

II.

— Он беснуется, — сказал флигель-ад'ютант, — колотит лакеев и собирается опять послать шестьдесят тысяч человек на Берлин.

Камергер хихикнул. Его бледное лицо и покрасневшие веки свидетельствовали о многих бессонных ночах. Руки его нервно дрожали, движения были неприятно порывисты.

— Дорогой Сергей Николаевич, — ответил он офицеру, — это просто умора, смотреть на нас со стороны, как мы все пляшем под его дудку. Давайте не держать пари, кто из нас в этой пляске упадет первым. Впрочем, не будем печалиться: наша жизнь и так коротка. Вы согласны со мной, Муравьев?

Ад'ютант проворчал сквозь зубы:

— Я хотел бы удрать из этого ада.

Через закрытую дверь к ним донесся визгливый голос царя. Камергер зашептал ад'ютанту на ухо:

— Очевидно, прекрасная Лопухина сегодня ночью не...

Офицер вдруг вытянулся и, приложив руку к козырьку, застыл на месте, как изваяние. Камергер согнулся в три погибели и замер.

Царь показался на пороге. Его глаза с беспокойно подергивающимися веками смотрели куда-то вдаль, мимо стоявших перед ним людей. Бледное лицо было землисто-серого цвета. Несоразмерно высокий лоб и маленький нос выдавались над некрасивым, широким ртом; его лицо казалось кривым, вероятно оттого, что правый угол рта и правая бровь были высоко подняты, как бы застыв в изумлении.

Царь сделал несколько шагов вперед. Правое плечо, которое было поднято выше левого, беспрестанно подергивалось. Он вдруг круто повернулся на каблуках и своим кавалерийским сапогом ударил по ноге старого штабс-капитана, который вытянул носки не под тем углом, как было предписано в уставе. Царь поднял голову, прищурил глаза, посмотрел на побледневшее лицо офицера и закричал:

— Муравьев!

Флигель-адъютант сделал три шага и очутился перед царем. Павел указал на штабс-капитана:

— Отбывать наказание в Елецком пехотном полку в Могилеве.

Муравьев записал приказание.

В дверях, ведущих в рабочие комнаты царя, показалась могучая фигура и бледное лицо графа Палена, который только-что спокойно занимался с беснующимся царем, составил по его указанию, без возражений, глупо-ультимативную депешу берлинскому посланнику и затем, воспользовавшись минутным отсутствием царя, еле заметными шифрованными знака-

ми отменил это распоряжение. Глядя из-под тяжелых век на разыгравшуюся сцену, он заметил вспыхнувшую в глазах наказанного капитана ненависть к царю.

Царь в это время заинтересовался чем-то другим. Он подошел к одному из громадных гвардейцев, которые выстроились по обеим сторонам лестницы, ведущей в переднюю, нагнулся и внимательно стал считать пуговицы на гамахах неподвижно стоявшего солдата. Он считал вполголоса, с сосредоточенным видом. Затем приподнялся, испытующим взглядом оглядел форму, парик, шлем, но даже не взглянул в лицо часового. Подошел к следующему, опять нагнулся, стал считать пуговицы и, поднявшись, ударил солдата кулаком по подбородку.

— Муравьев! — заорал он: — высечь его!

Адъютант подозвал другого гвардейца и приказал взять провинившегося под арест. В это время Пален подошел ближе и, внимательно рассмотрев ноги обвиняемого, сказал тихо царю:

— Ваше величество, но у него ведь все двадцать пять пуговиц налицо.

Царь крикнул „стой“ и пальцем поманил к себе часового. Он приказал ему приподнять ногу и снова начал медленно считать пуговицы, дотрагиваясь до каждой пальцем и шевеля губами.

Часовой закачался, стоя на одной ноге. Пот крупными каплями выступил у него на лбу и покатился по щекам. Павел ударил его хлыстом по ноге, когда она опустилась. Отчаяние было написано на лице солдата. Он почти падал и для сохранения равновесия, несмотря на вторичный хлесткий удар царя, опустил ногу на пол.

Царь обернулся и сказал Палену:

— Губернатор! По-моему, этот солдат оказывает непослушание. А как твоё мнение?

— Так точно, ваше величество, — холодно ответил Пален.

— Муравьев! — крикнул Павел и указал на солдата: — за непослушание, посадить на два дня под арест и дать шестьдесят ударов.

Царь надвинул свою шляпу глубже на лоб и поспешным шагом двинулся во двор, чтобы начать преподавание военных правил часовым, что он обыкновенно проделывал в это время. Вскоре оттуда послышался его визгливый голос: „раз-два, раз-два!“ и стук его палки о мостовую.

Пален проводил его, а через некоторое время вернулся обратно в залу. Штабс-капитан и солдат ещё не были отправлены для наказания. Пален подозвал к себе штабс-капитана и отошел с ним к окну.

— Заслужил ли ты такое обращение, капитан? — спросил он.

— Нет, ваше сиятельство.

Пален схватил его за руку и сказал тихо и отдельно:

— Капитан, могу ли я положиться на тебя, как ты на меня?

— Да, ваше сиятельство.

— Хорошо. Я отменю приговор. Иди в Преображенские казармы и доложи о себе командиру особого отряда. Ты должен ждать — ни о чем не спрашивать и ни о чем не говорить — и как можно меньше показываться вблизи Михайловского дворца. Мы скоро увидимся, капитан.

Офицер с низким поклоном удалился.

Пален подозвал часового и пристально посмотрел на него. Это был молодой парень, приблизительно

двадцати двух лет, с приятными чертами лица. Он был громадного роста, силен и здоров, как все солдаты лейб-гвардии.

— Как тебя зовут?

— Степан Варуленко.

— Слушай, Степан. Что подумал ты, когда я указал нашему самодержавному царю на его ошибку относительно твоих гамаш?

— Я подумал, что это очень милостиво со стороны вашего сиятельства, но что это мало поможет мне.

— А когда я согласился насчет твоего непослушания?

— Ваше сиятельство не могли поступить иначе.

— Я спрашиваю,—что ты подумал об этом. Говори откровенно, Степан! Ведь я—не царь

Солдат радостно поднял голову.

— Я подумал, что недостойно вас, ваше сиятельство, говорить неправду.

— Но царь сказал ее.

В узких глазах солдата вспыхнул желтый огонек.

— Царь,—прошептал он,—царь ведь...

Он забыл о военной дисциплине и топнул ногой.

— Да что вы мучаете меня, ваше сиятельство? Нас и так достаточно мучают. Пропала моя голова!..

Пален успокаивающе потрепал его по плечу.

— Степан,—сказал он,—если ты честно скажешь мне, кем ты считаешь нашего дара, то я сделаю так, что тебя не посадят под арест и не будут бить.

Он приблизил свое ухо ко рту солдата.

— Я ишу верных людей, Степан.

Солдат отпрянул назад и широко раскрыл глаза.
— Наш царь — дьявол, — прошептал он.

— А тебя учили ненавидеть дьявола? — спросил Пален, все еще не сводя с него глаз.

— Да.

— Ты должен его ненавидеть так же, как и л. Степан Варуленко побледнел.

— Я повинуюсь тебе во всем, батюшка, — сказал он просто и доверчиво.

Пален послал Степана в штаб с приказанием откомандировать его ему, как денщика.

— Не забудь, Муравьев, — сказал он ад'ютанту, беседовавшему с камергером в конце залы, извещать меня о всех личных приказаниях его величества — о наказаниях, милостях и назначениях — немедленно и подробно. Ты знаешь, как это важно для нашего дела?

Он обратился к камергеру:

— Что Лопухина каждую ночь посещает царя?

— Да, ваше сиятельство.

— Мне сообщили, что ее величество возмущена наглым поведением и беззастенчивостью этой особы.

— Да разумеется, тем более, что спальня ее величества находится, как вам известно, рядом со спальней царя.

— Говорил ли царь опять о том, чтобы заложить двери, ведущие из его покоев в покои государыни?

— Нет, мне не приходилось слышать об этом.

— При случае напомните ему об этом. Это очень важно для нас.

Пален на мгновение задумался, приложив руку к глазам.

— Доложите обо мне, пожалуйста, наследнику, барон Унгерн, — сказал он.

III.

Виде-кандлер, граф Панин, вышел из своего дома в полночь — один, без провожатого. Он всегда поступал так, когда должен был встретиться с наследником. Его шляпа была глубоко надвинута на глаза, меховой воротник высоко поднят, и фигура его вскоре потонула во мгле зимней ночи. Вдруг он остановился: ему слышались шаги за спиной. Он быстро повернул назад, дошел до своего дома и спрятался в подворотню. Кругом не было видно ни души.

— Нет, — подумал он, — эти дела не для меня.

Он пошел окольными путями, через снежные сугробы, чтобы сбить с толку предполагаемого шпиона. Он встретил немощных закутанных прохожих, спешивших домой в теплые постели.

— Каждую ночь, — думал Панин, — ужасные мысли обуревают меня, и я вижу, что они так же чужды моей душе, как поступки, к которым меня принуждают. Как это ужасно думать всегда об одном, о государственных делах громадной важности, и не иметь возможности заботиться о своей собственной маленькой, глупой и неудачной жизни. Если бы я был мужчиной, как Пален, мужчиной в полном смысле слова... А я душою поэт, который охотнее всего переложил бы на стихи свои переживания...

Он дошел до Невы. Река шумела, и громадные глыбы льда с треском ударялись о гранитную набережную. Холодный ветер задувал одинокие фонари. Панин сёжился и пошел вдоль берега.

— Нет, я не должен колебаться. Я не должен загоразивать путь другим. Вот, Пален. Как непоколе-

бимо твердо он идет вперед и какую тяжесть он несет на своих плечах. Почему он так уверен в своей правоте? Почему я чувствую, что не гожусь ему даже в советчики? Почему? Пален, как паук, привлекает в свои сети все новые и новые жертвы. Он поймал также и наследника. Он овладел душой Александра так деликатно, что тот даже ничего не заметил. С хладнокровным видом сообщал Пален ему о каждом бессмысленно-глупом поступке царя во внешне-европейских делах, о каждой безумной выходке и припадках бешенства Павла I в его частной жизни. Александр плакал от стыда и злобы... Эта несложная игра выиграна. Теперь наследник уже на нашей стороне.

Мраморные львы, лежащие на ступеньках, ведущих от Зимнего дворца к Неве, вынырнули из темноты при свете мигающего фонаря. Ни одно окно во дворце не было освещено. Панин свернул за угол. Часовой, который ходил взад и вперед возле решетки, при виде его, отдал честь. Панин вошел в ворота, быстро миновал небольшой дворик у правого угла флигеля, открыл небольшую дверцу. Показался узкий коридор, скудно освещенный лампадкой. Панин вынул лампадку из подставки и замедлил шаги. Здесь его сердце всегда начинало усиленно биться. Он дошел до стеклянной двери, которая выходила на винтовую лестницу.

Мокрые, заплесневевшие стены, по которым скользила его рука, не находя себе опоры, издавали неприятный запах сырости и плесени, который напоминал о тюрьме и вызывал неприятные предчувствия.

Винтовая лестница упиралась в одну из тех бесконечных мраморных подземных галлерей, которые проходили под дворцом.

Панин приблизился к обычному месту свиданий, на перекрестке двух подземных галлерей, откуда шел потайной ход в покои наследника, жившего в боковом флигеле дворца. Холодный ветер подул из незакрытых люков погреба и чуть не потушил лампадку. Панин подвинул ее выше головы, чтобы лучше рассмотреть лестницу, и ему показалось при слабом мерцании лампадки, что в ближайшей нише стоит какая-то тень. Лампадка еще раз мигнула и потухла. От надвинувшейся на него темноты сердце его усиленно забилося. Напряженная мысль искала спасения от надвигающейся опасности, и когда он, вытянув руки, наугад двинулся вперед, то почувствовал, как чья-то рука, действительно, опустилась на его плечо.

— Измена! — закричал он, вытаскивая шпагу из ножен и изо всей силы толкнул кого-то об каменную стену. Лампадка со звоном упала на пол.

Неизвестный человек слабо застонал от боли. Панин узнал голос наследника и в отчаянии прошептал:

— Ради бога, ваше высочество, простите меня. Вы не ранены?

— Нет, Панин, — ответил Александр, — но зачем вы, чорт возьми, так нервничаете и подымаете такой шум?

Он потер ушибленный локоть, вытащил огниво из кармана и зажег его.

— Ого, граф! с обнаженной шпагой против меня! Эта картина мне совсем не нравится.

Панин отвернулся и спрятал шпагу в ножны.

— Вы должны извинить меня, ваше высочество, — сказал он умоляющим тоном: — обстоятельства, сложившиеся так несчастливо, извиняют мое поведение. Вы ведь знаете, как я вас люблю!

— Обстоятельства,— тихо повторил Александр, — обстоятельства...

Он в раздумьи пошел вперед. У подножья лестницы, которая поднималась к покоям Александра, находилась незаметная маленькая комнатка; она служила местом их встреч. Простой стол и два деревянных стула составляли убранство комнаты. Цесаревич взял канделябр из-под лестницы, где он был спрятан, зажег его и поставил на стол. Затем сел и сказал сдавленным голосом:

— Возможно, что я делаю это по глупости или легкомыслию, когда, с одной стороны, мечтаю об искоренении насилия, а с другой—все же хочу царствовать; или, быть может, во мне заговорила кровь отца? И вот какой вопрос сейчас мучает меня: кто из нас прав перед лицом истории—отец ли, который творит зло, но который царствует по праву, или сын, который хочет добра России, но путем насилия сядет на трон?

— Вы неправильно из'ясняете свои мысли, ваше высочество. Врач, который для спасения больного прибегает к сильно - действующим лекарствам, не совершает преступления.

— Насилие остается насилием. И кто может поручиться мне за его жизнь?

— Я клянусь вам своей жизнью.

Александр недолго помолчал и затем сказал:

— Вы честный человек, Панин, но вы—не царь. История хочет сделать меня отцеубийцей, а вы остаетесь в стороне. Вашего ручательства мне мало.

Панин посмотрел наследнику прямо в глаза.

— А... ручательства... Палена... вам будет достаточно?

— Пален? Пален? Он не поручится мне за это. Он считает человеческую жизнь ничего не стоящим пустяком. Он тоже не царь, но у него есть талант и опасный талант: он рожден властвовать и повелевать.

— Ваше высочество, он — патриот.

Александр беспокойно забарабанил пальцами по столу.

— Я ничего не понимаю, — тихо возразил он, — я ничего не знаю; может быть, я причиняю себе только вред этими словами. Может быть, вы, Панин, обязаны докладывать ему о каждом моем слове, а тогда Пален не может быть ни моим другом, ни моим советчиком. Может быть, он действительно патриот, но не такой, чтобы быть истинным другом наследника престола. Я такого мнения, потому что живу в эпоху Мирабо, потому что я пережил падение Жиронды, смерть Дантона и Робеспьера и, вероятно, буду еще очевидцем результатов царствования Бонапарта. Может быть, Пален патриот в том смысле, какой придает этому слову французская революция; но я чувствую, что он старается не для блага России!

Наследник в волнении стал шагать по маленькой комнатке.

— Я скажу вам больше, Панин. Я не раз имел возможность помешать его патриотическим или революционным целям: мне стоило только сказать одно слово отцу. Но тогда вместе с ним погибнет мое царство: это мне совершенно ясно. И мое положение тогда стало бы опасным. Я сознаюсь вам, граф: я боюсь Палена; вместе с тем я признаю, что он сильнее меня телом и душой, твердостью и энергией

Поэтому-то он мне так же необходим, как и я ему. Я знаю: если я буду долго сопротивляться, то он останется на моем брате Константине или же на себе самом. Если я не хочу погибнуть, то я должен уцепиться за этого крепкого дьявола. Он может насильно втянуть меня в этот заговор, как втянул и вас, Панин. Я вижу по вашим глазам, что вы в течение этих четырех недель не находите себе места. Вот какова история моего восшествия на престол. Вы видите, что все это не так приятно, и вряд ли я буду в России бодрым и жизнерадостным монархом!

Панин слушал эти излияния, остоленев от изумления: наследник, его ученик, видел будущее так ясно и без прикрас, понял душу Палена так быстро, что ему стало стыдно за себя.

Он встал и почтительно поклонился наследнику:

— Я весь ваш, ваше высочество. Хорошо, что вы высказали мне все. Теперь я знаю, что я не только орудие Палена. Нет! Теперь я действую для вашего блага. За эти четыре недели я сильно подпал под его влияние, которое очень опасно, так опасно, что я исполнял беспрекословно все его приказания. Но теперь... я буду знать, что действую в ваших интересах.

Наследник встал и посмотрел ему в глаза.

— Я понимаю вас, Панин. Возможно, что это кончится хорошо для меня, возможно, что и плохо. Воздержитесь от ссор и непослушания—это тоже в моих интересах.

Указывая рукой на лестницу, он сказал другим тоном.

— Мы ничего не говорили с вами, понимаете Панин? Что вы имеете мне сообщить?

Панин на мгновение закрыл рукой глаза, как бы вспоминая что-то. Он ужасно устал и продрог. Прерывающимся голосом сообщил он о планах и мероприятиях заговорщиков.

IV.

Эту ночь Пален провел у своей любовницы, баронессы Анны Петровны Остерман, придворной фрейлины ее величества. Она была дочерью бедного дворянина; в ранней молодости вышла замуж за офицера курляндского барона, который в турецком походе был адъютантом графа Палена. Холодный ум этой женщины, недвусмысленный цинизм ее зеленоватосерых глаз и уверенная грация движений — все это задело Палена за живое. Та необдуманность, с которой она уступала его страсти, и те заметные старания, с которыми она пыталась скрыть каждое проявление глубокого чувства, так нравились его натуре авантюриста, что он привязался к ней, насколько он вообще на это был способен. Впрочем, их, быть может, связала роковая случайность. Барон, ее муж, через две недели после отъезда на фронт приказал долго жить. Смерть его была внезапной. Она еще больше связывала любовников друг с другом, как сообщников: Пален тянул баронессу вверх за собой по придворной лестнице. Когда он, щедро осыпаемый милостями даря, приобрел титулы военного губернатора, генерал-губернатора Лифляндии и Ингерманландии, командира личной охраны, начальника департамента иностранных дел,—он выхлопотал ей звание ближайшей придворной дамы государыни. И он, и она в течение этих десяти лет мало говорили друг

с другом о благодарности, а еще менее о любви. Они поднимались медленно по крутой лестнице счастья, никли иногда под тяжестью мрачных мыслей, обманывали изредка друг друга, без лишних угрызений совести, не делая из этого особой тайны.

И оба странно заблуждались, думая, что могут великолепно обойтись друг без друга. Иногда в ее глазах вспыхивала ненависть; но она сама не знала, ненависть ли это или только желание подчинить его себе. Их ссоры иногда доходили до того, что он хлестал ее арапником по плечам, а она своими острыми ногтями оставляла на его руках кровавые следы.

Последнее время под тяжестью занимавших его громадных замыслов, он все же не забывал, что эта женщина ничего не должна знать о заговоре; поэтому он редко посещал ее и делал вид, что его мысли заняты другой женщиной.

Накануне этого вечера он поздно работал у себя в кабинете над докладом о положении заговора. Доклад этот был предназначен для наследника. В докладе была ловко скрыта его собственная роль и выдвинута на первый план работа Панина; о подробностях военной организации и об именах вожаков он пока умалчивал.

Палена давно уже занимала мысль отвести Панина в сторону; он не хотел погубить этого честного человека. Кроме того, Пален понял из медлительных переговоров Никиты Петровича с наследником, что этот человек не пойдет с ним до конца. Ему казалось, что миссия канцлера окончена. Он пробудил в мозгу наследника первую мысль о захвате престола. Этот толчок имел громадное значение и должен был привести к нужным результатам. Теперь надо было пе-

ревести Панина в более спокойную обстановку. Пален еще не уяснил себе, как можно достигнуть этого, но инстинкт подсказывал ему, что это надо сделать и притом как можно скорее.

Усталый от постоянного сплетения интриг и опасностей, которые окутывали его, как центр заговора, он откинулся на спинку кресла. Он устал и хотел забыться. Его взгляд, скользя по мрачным стенам кабинета, остановился на портрете Анны Петровны Остерман. Он засмеялся, посмотрев в ее злые глаза; его тело, казалось, почувствовало знакомое прикосновение, и он решил, несмотря на поздний час, навестить ее. Их взаимное соглашение было весьма обдуманно и давало им возможность встречаться после перерывов без ссор и упреков. Думая о надушенном воздухе ее будуара, он засунул свой доклад в карман, с намерением передать его на следующее утро наследнику, и приказал, чтобы ему подали сани. Он застал Анну Петровну одну и в хорошем настроении.

V.

На другое утро Пален проснулся рано и удивился, увидев постель возле себя пустой. Он раздвинул шелковые занавеси и увидел Анну Петровну, которая, углубившись в чтение, сидела за письменным столом. Немного обеспокоенный, он встал и сделал шаг вперед. На коленях Анны Петровны лежал его военный мундир. Теперь он понял, что она читала, и побледнел. Что это — простое любопытство женщины, или ей поручено следить за ним? Анна Петровна подняла голову, посмотрела на него и смущенно улыбнулась.

Пален спросил резко:

— Это у вас новая манера, сударыня? Я, кажется, не разрешал вам рыться в моих карманах.

Анна Петровна продолжала улыбаться; она обеими руками запахнула на груди красный халатик и сказала легкомысленно:

— Простите, дружок, но я уже давно проснулась. Мне было скучно. Вы спите крепко, как медведь. Конечно, это нехорошо с моей стороны. Я, в сущности, искала любовную записку, чтобы посмеяться над вами. Но неужели вы думаете, что я придаю серьезное значение этой бумаге?

Паден посмотрел на нее долгим, пристальным взглядом. Но ее глаза не выдали ничего. Он замолчал; его мозг лихорадочно работал.

— Вы ведь знаете,—продолжала она,—что при дворе много болтают, а в иностранных газетах, которые привозят курьеры, говорят яснее ясного. Вам приписывают очень много, но я не хочу этим сказать ничего особенного. А Панин? Господи, боже мой! Вы ведь сами знаете то, что знают все.

Он зашагал по комнате, кутая свои зябнувшие плечи в меховой халат, как будто только сейчас почувствовал утреннюю прохладу в нетопленной еще комнате.

— Послушайте, Анна, - сказал он медленно:—вы умная женщина и отлично понимаете, что если бы этот доклад имел для меня большое значение, то я вел бы себя с вами совершенно иначе. Но тайный смысл, который кроется в документе, вам совершенно незачем знать. Вы должны поверить мне, что я действую в интересах русского престола и соответственно моему служебному долгу.

Баронесса подозрительно посмотрела на него; ее лицо изменило свое выражение и приняло оттенок беспомощности. Она не понимала, к чему клонится все это. Она достаточно хорошо изучила Палена и знала, что он не остановится ни перед чем, чтобы погубить ее, если она станет поперек дороги. И она проклинала случай, который бросил ей в руки такое опасное орудие. Она любила лишь безопасные интриги; поединок с таким человеком был для нее слишком серьезен.

— С меня совершенно достаточно того, что ты сказал, Петр. Не сердись на меня, мой милый, и не будем больше говорить об этом.

Она попыталась нежно прижаться к нему, но ей это не удалось. Лицо Палена оставалось холодным, как ледяная глыба.

— Нет, Анна,—сказал он, не глядя на нее,—нам необходимо еще поговорить об этом. Ты случайно вошла в этот круг, и он замкнулся за тобой. То, что ты узнала,—ты знаешь, и я должен считаться с этим, как мне ни жаль тебя.

Ей стало не по себе. Чувство страха, которое было совершенно незнакомо ей в ее беззаботной жизни, сдавило сердце. Она посмотрела на Палена и увидела чужое, страшное лицо, полное непреклонной силы.

— Петр,—тихо произнесла она: — неужели ты хочешь сделать меня несчастной?

Пален остановился и холодно посмотрел ей в лицо.

— Сударыня, я не спрашивал о ваших мыслях, когда вы нашли этот доклад и думали, что вместе с ним держите и меня в своих руках. У вас мало опыта в этих вещах, иначе вы поняли бы, что если

мне, как любовнику, мало удовольствия доставляют нежные сентименты, то как генерал-губернатор я еще менее способен на них.

В глазах Анны Петровны появились злые огоньки.

— Ну, в чем же дело, граф? Какое покаяние вы собираетесь наложить на меня?

— Вы все еще не понимаете меня, Анна? Хотя место действия — будуар женщины, но положение очень серьезно, очень серьезно. Вы теперь — участница заговора, сударыня.

Она с криком вскочила с места.

— Вы дьявол, дьявол! Вы лжете!

Пален оставался совершенно хладнокровным.

— Теперь пора разрушить ваши иллюзии и перейти к делу. Вы знаете об этом докладе, и я должен предохранить себя от вас. Я сделаю это самым деликатным способом. Возьмите лист бумаги и пишите следующее: „Ваше величество, бойтесь Панина и Палена“, — и больше ничего, ни подписи, ни даты.

— А если я не соглашусь на это?

Тогда я прикажу вас арестовать и объявлю вас политически неблагонадежной перед лицом „тайного совета“.

Баронесса великолепно знала, как ведутся дела в этом „чистилище“ Павла I. Она знала, что человек, виновен ли он или невинен, должен распрощаться с жизнью, если его имя попадет в обвинительный акт прокурора „тайного совета“. И она считала Палена способным совершить какой угодно поступок, чтобы освободиться от нее, раз она ему мешает. Бледная, как полотно, она подошла к письменному столу и надарапала несколько слов на бумаге.

— Но, Анна, — сказал Пален, который смотрел через плечо, — ты пишешь измененным почерком. Это не годится. Мне нужно, чтобы письмо было написано твоим подлинным почерком.

Он порвал бумагу.

— О, дьявол, дьявол! — прошептала она: — ты хочешь, чтобы я сама подписала свой смертный приговор.

— О нет! — улыбнулся Пален: — наоборот, ты станешь любовницей государя и, может-быть, получишь титул графини.

Анне Петровне стало дурно. Она упала в кресло. Пален обрызгал ее одеколоном. Она скоро пришла в себя, беспокойно оглянулась кругом и громко рассмееалась.

— Ах, это очень остроумная шутка с вашей стороны! Не правда ли, граф?

Пален принялся за свой туалет.

— Пашите, Анна, — приказал он сердито, — пашите, у меня нет больше времени! Это не шутка, поймите, наконец. И не бойтесь. Для вас это ничуть не опасно, конечно, если проявите известную ловкость. Я хочу действовать через вас, и если эта операция мне удастся, то я покорю самодержца даже и в его постели. Неужели для вас, сударыня, до сих пор не ясно, чего я хочу?

Анна легко дотронулась своими губами до его лба.

— Мне кажется, я начинаю понимать тебя, Петр, — сказала она неуверенным голосом: — ты такой гениальный заговорщик, что мне даже почти хочется участвовать в твоих делах.

Она написала записку. Пален тотчас же послал ее через лакея в Михайловский дворец с приказом к Му-

равьеву, чтобы она была немедленно положена на письменный стол царя. Сам же он вернулся в свою квартиру и немедленно уничтожил доклад. Затем, засунув за отворот рукава давнишнюю записку, полученную им от баронессы Остерман, он поехал во дворец.

Едва Муравьев успел доложить ему, что царь несколько раз с нетерпением справлялся о нем, как Павел сам ворвался в переднюю и, с бурной нежностью обняв Палена за плечи, повел его в свой рабочий кабинет. Пален знал эти вспышки благоволения так же хорошо, как и вспышки гнева, которые, правда, по отношению к нему, всегда выражались только в натянутом официальном тоне. Он отлично знал, что нежность царя только хитрый маневр, и спокойно позволял ему ощупать свои карманы.

— Что за бумаги?— спросил Павел злым голосом и похлопал Палена по груди.

Губернатор, ни одним движением не препятствуя обыску, расстегнул мундир и выложил содержимое карманов на стол. Это были служебные записки и строго деловые бумаги. Царь, забыв о показной нежности, нетерпеливо, но тщательно просмотрел их. Пален следил за ним с выражением холодной ненависти в глазах. Павел бросил бумаги на пол и вопросительно указал рукой на видневшуюся из-за обшлага рукава записку баронессы Остерман. Губернатор притворился смущенным.

— Ваше величество, это частное письмо.

— Я хочу прочесть его!

— Ваше величество, это письмо от женщины.

— Я хочу прочесть его.

Пален неохотно протянул записку царю. Царь бегло просмотрел ее и бросил на пол.

— Выворачивай карманы брюк! — грубо приказал он.

— Ваше величество, за что вы оскорбляете меня так? — вскричал Пален и отступил несколько шагов назад.

— Выворачивай карманы! — заорал Павел.

Пален посмотрел на него тяжелым взглядом своих страшных глаз, как укротитель зверей смотрит на льва, и сказал с сильным ударением:

— Ваше величество, я прошу о моей отставке.

Царь посмотрел на него молча безумными глазами и повернулся к нему спиной. Его плечи задрожали сначала еле заметно, потом все сильнее и сильнее. Он рыдал.

Пален не ожидал этого и испугался, что царь согласится на его отставку. Записку Анны Петровны взглядом своих орлиных глаз он еще издали заметил на письменном столе. С видом отважной решимости подошел он к царю и воскликнул:

— Ваше величество, пусть это стоит мне жизни, но я должен знать, какой негодяй своим гнусным доносом вынудил ваше величество так обращаться со мной, вашим верным слугой.

Павел вскочил с места и бросился к нему.

— Вот, Пален, вот, смотри! К чорту всех! Как они мучают меня!

Он протянул Палену записку баронессы и беспомощно ухватился за его рукав. Он уже кричал, словно в беспамятстве:

— Петенька, Петенька, братец! Я долго не проживу! Останься со мной, не покидай меня!

Пален прочел письмо, делая вид, будто изучает его почерк. Затем он громко и с облегчением рассмеялся. Царь жадно впился глазами в его лицо.

— Что? В чем дело, Пален?

Губернатор, не теряя веселого выражения лица, нежно освободился от руки царя, нагнулся и поднял с паркета письмо Анны Петровны. Все еще смеясь, он положил оба письма рядом на стол. Царь, казалось, заразился его весельем и с детским любопытством следил за тем, что будет. Он пробормотал:

— Ну что, братец, в чем же дело?

— Ваше величество, — засмеялся Пален: — заговор открыт. На самом-то деле он направлен против меня: вы похитили у меня прекраснейшую женщину.

Царь робко захихикал; на его лице появилось хищное и сладострастное выражение. Пален обратил его внимание на одинаковый почерк обеих записок. Он объяснил ему все, прерывая свое сообщение неудержимым смехом, и сделал несколько откровенных замечаний о телосложении баронессы Остерман. Он действовал на сластолюбца двусмысленными пожеланиями счастья. Но вдруг он стал серьезен. Царь, слепо подражая его движениям, застыл на месте с кривой улыбкой на лице и заскулил с испуганным видом:

— Ну что, Петр? Что опять?

Пален глубокомысленно поднял палец. Затем сказал:

— Эта умная головка составила недурной план. Она отлично понимала, что я узнаю ее почерк и выведу ее на чистую воду. Она рассчитала правильно, что такая оригинальная манера обратить на себя внимание вашего величества должна иметь успех даже в том случае, если бы я смел приревновать ее. Она

знала, что ваше величество из-за нового любовного приключения не лишит своего верного министра прежнего доверия; она знала, что не может повредить мне... Но зачем она упомянула имя Панина?

Взгляд царя стал мрачным и страшным.

— Да, почему Панина?— тупо повторил он.

— Может быть, она хотела попасть наугад в цель,— рассуждал губернатор: — с таким же успехом она могла написать: Пален и гофмаршал Нарышкин, или Пален и Муравьев... Но ведь это полнейшая бессмыслица.

— Может быть, спросить ее сегодня об этом?

Пален улыбнулся, подмигнув царю.

— О, нет, ваше величество, не надо так торопиться. Да я думаю, что у вас и не дойдет дело до разговоров о политике. И к тому же, ваше величество, так как она ничего не знает, то

все равно будет лгать, чтобы приобрести в ваших глазах большую значительность, которая вам совершенно нежелательна.

„Государь, этого никто не объяснит вам“.

Царь посмотрел на расписание сегодняшних приемов. Через десять минут должен был явиться с докладом граф Панин.

— Я хотел бы до его прихода выяснить, почему в письме упомянуто имя графа Панина.

В голосе царя снова зазвучали острые и сердитые нотки. Пален пожал плечами.

— Государь, этого никто не объяснит вам, так как баронесса Остерман, вероятно, написала его имя, не размышляя. Преданность графа вам не подлежит сомнению.

— Вы в этом уверены, Пален?

— Он — единственный человек при дворе, которому я доверяю и за которого могу ручаться.

Они оба замолчали. Царь, казалось, был занят одной определенной мыслью. Пален внимательно следил за ним.

— Впрочем, в последнее время, в вице-канцлере я замечал некоторое духовное утомление, — сказал Пален. — Короткий отпуск...

Губернатор не закончил фразы и начал подбирать бумаги, валявшиеся на полу. Павел с беспокойством наблюдал за ним.

Когда дежурный адъютант доложил о приходе вице-канцлера, Пален пошел к столу в глубине комнаты и, казалось, углубился в изучение лежавших там бумаг. Вошел Панин. Царь, заложив руки за спину, смотрел в окно. Вице-канцлер, почувствовав враждебное настроение императора, вопросительно взглянул на Палена, слегка кивнувшего ему головой.

Он начал докладывать о полицейских реформах и предлагал царю отменить чересчур строгие предписания, касающиеся наблюдения за иностран-

цами, и не совсем целесообразные распоряжения, направленные против заграничной одежды. Он советовал заменить их более приличными для репутации страны.

Павел заревел на него, прерывая доклад:

— Хозяин России—я, господин граф. Как вы смеете так разговаривать со мной?

Панин побледнел и снова взглянул на Палена, который не поднимал головы от бумаг. Пален за спиной Павла поймал отчаянный взгляд Панина, ободряюще улыбнулся ему и показал рукой на себя. Царь прошептал Панину на ухо, вероятно, для того, чтобы не слышал Пален:

— Граф, вы можете удалиться в свои поместья. Моя милость велика.

VI.

Два часа спустя, Пален входил в кабинет графа Панина. Он застал его за приготовлениями к отъезду. Губернатор, без колебаний, признался ему, что сам внушил царю мысль о необходимости выслать Панина из Петербурга. Панин не удивился; он посмотрел губернатору в глаза и, после короткого молчания, тихо сказал:

— Благодарю вас, граф.

— Теперь,—тихо ответил Пален,—нам некого будет стесняться.. Все-таки мне жалко расстаться с вами.

Панин, тронутый неожиданным признанием, подошел к Палену. Ему хотелось сказать этому странному человеку что-нибудь хорошее, теплое; но Пален почувствовал это и, болезненно поморщившись, остановил его:

— Нет, нет, Панин, это только минута слабости; она бывает у каждого убийцы!— И быстро перевел разговор на другую тему.

— Вы еще увидите Александра до отъезда?

— Я ожидаю его с минуты на минуту. Надеюсь, он придет ко мне.

Пален, насупив брови, что-то обдумывал в течение нескольких секунд. Затем спросил:

— Нельзя ли мне подождать его у вас, Панин, и переговорить с ним в вашем присутствии? Наш разговор будет длиться не больше 10 минут.

Панин колебался. Но губернатор настаивал на необходимости этого свидания: он отлично знает, что Александр его ненавидит; но ради великой цели он согласен принять его ненависть.

Цель... Панин вспомнил свой последний разговор с наследником. Он живо представил себе возможный словесный поединок этих двух людей. Цель Александра была — царская корона. Он боится крови и в то же время стремится захватить корону. Но ведь корона покрыта кровью! Не зиждется ли все-таки мягкая и нежная душа наследника на фундаменте подленькой царской совести, унаследованной от предков? Не честней ли этот Пален, который прямо называет себя убийцей? Не лучше ли этот вершитель царских судеб, генерал-губернатор, взявший на себя тяжелое бремя из любви к родной стране или из честолюбия, а быть может, и просто из любви к приключениям?

Пален угадывал по лицу Панина происходящую в его душе борьбу и не прерывал его размышлений ни одним движением. Когда Панин в знак согласия

кивнул головой, он поблагодарил его рукопожатием.

Александр пришел один, в штатском платье. Он сердечно поздоровался с Паниным и воскликнул с искренним сожалением:

— Отец ничем не мог бы огорчить меня больше, чем вашей ссылкой!

Лишь позже он заметил отошедшего в сторону графа Палена. Лицо наследника сразу потемнело. Водарилось тягостное молчание; наследника стесняло присутствие губернатора, а Панин не знал, какое направление разговору хотел придать Пален, и поэтому тоже молчал.

Пален, посмотрев сначала на одного, потом на другого, обратился к Александру:

— Ваше высочество, считаю своим долгом сообщить и вам о том, что государь отстранил графа Панина от должности по моему совету.

— Зачем вы так сделали?— резко прервал его Александр.

— Каждое большое дело требует применения мер, которые со стороны могут показаться суровыми и непонятными. Впрочем, Панин от вас не скроет, что он доволен этой ссылкой.

— А если уход графа Панина заставит меня отказаться от участия в деле? А если бы я приказал вам прекратить его?

Пален прервал его с большой серьезностью:

— Это очень опасные слова, ваше высочество, очень опасные для вас!

Александр побледнел и замолчал.

Панин тихо прибавил:

— Уход такого незначительного человека, как я, не может прервать исторический ход событий.

— И так как исторический ход событий отныне примет наступательный характер,—быстро подхватил Пален,—то вы должны немедленно решиться, ваше высочество! Ради этого я теперь здесь.

— Я не могу теперь,—простонал Александр:—я еще не могу.

Быть может, после дня, полного напряжения и волнений, сердце Палена внезапно ослабело; ему стало жалко молодого измученного наследника. Эта жалость лишила его силы действовать с обычным холодным расчетом. Он знал, что Александр сдался бы под влиянием угроз. Но он отвернулся и сказал, что согласен еще немного подождать.

Прощаясь, Пален сообщил, что Валерьян Zubов займет место Панина в тайной организации.

— Валерьян Zubов?—с удивлением воскликнули Панин и Александр.

Граф Zubов был одним из самых блестящих полководцев Екатерины Великой. В то время, как его брат, Платон, пользовался всеми благами мира, в качестве фаворита царицы, Валерьян воевал в Дербенте и одержал победу над персами. После смерти Екатерины Павел свирепо расправился с ее любимцами. Он отозвал из Персии победоносную, отлично дисциплинированную Zubовскую армию, а чтобы отделаться от ненавистного генерала, Павел придумал ехидный трюк: он приказал вернуться с фронта каждому командиру полка в отдельности; про существование же самого Валерьяна Zubова словно забыл. Смертельно оскорбленный генерал жил с тех пор в своих поместьях. Лишь благодаря общей амнистии 1800 года

ему было разрешено вернуться в Петербург. Пален, в свое время служивший под командой Валерьяна Зубова, зная популярность в войсках Валерьяна и все еще сильное влияние Платона среди чиновников, заключил с братьями союз на жизнь и смерть.

Таким образом, вокруг царя замкнулась цепь. Чтобы держать в руках столичный гарнизон, по мудрому совету Валерьяна Зубова, был привлечен к делу, в качестве одного из главных сотрудников, популярный в войсках генерал Беннингсен. Несколько других офицеров, павших жертвой жестоких капризов взбалмошного царя, Пален постепенно, тайно от Павла, возвращал на их прежние места. Они, не зная точно конечной цели заговора и главных заговорщиков, готовили гарнизон к неминуемым событиям.

Чувствовалось приближение грозы. Но Александр колебался.

Баронесса Остерман вскоре сообщила Палену, что уговорила царя замуровать дверь в царской спальне, ведущую в покои царицы. Царь, желая угодить баронессе, даже приказал арестовать на некоторое время главного архитектора, который старался оттянуть выполнение неприятной задачи.

Пален остался доволен докладом баронессы, но в нем все сильнее росло опасение, что Павел в своем мрачном предчувствии и беспомощном страхе, станет цепляться за прекрасное женское тело, и что Анна поймет значение своей власти над монархом. Он стал замечать в ней перемену: Анна Петровна стала независимой и перестала бояться; в ее разговоре появились новые нотки, угрожавшие объявлением открытой борьбы. Граф Пален, согласно своей привычке смело идти навстречу опасности и во время пресекать ее,

тотчас же решил испытать баронессу и либо впутать ее в сложную сеть интриг, либо же осторожно устранить.

Он деловито поблагодарил ее, как агента, выполнившего порученье и спокойно предложил ей оставить теперь неприятную роль, в виду того, что в царских покоях становится неуютно. Целесообразнее всего для нее было бы покинуть на некоторое время Петербург и развлечься в Москве или Берлине, до получения известия от него. Вероятно, царь, которому не свойственно постоянство, вскоре утешится с другой.

Анна Петровна прервала Палена, ядовито улыбаясь:

— Господин губернатор, я не имею чести находиться под вашей командой. Я останусь при царе, даже если в его покоях станет неуютно, и даже если это вам не нравится. Царь добр ко мне: может быть, он меня любит, а может быть, я ему и нужна, несмотря на то, что это не соответствует вашим расчетам.

Пален расхохотался.

— Ты очаровательна, Анна, — воскликнул он: — ты похожа на курицу, которая боится, что ей не позволят нести яйца. Тем лучше, если дело обстоит так. Вы можете мне поверить, что я не ревную и от души желаю вам счастья. Я недостаточно глуп для того, чтобы прервать свои, несколько оригинальные затеи, ежели они идут так успешно. Позвольте задать вам лишь один вопрос, сударыня: намерены ли вы внушить царю подозрение относительно меня? Нет, не намерены?

Что ж, это очень хорошо. Но, если же вы хотите предать меня, насколько это вам позволит ваша не-

значительная осведомленность, то имейте в виду, что это будет лучше для меня! Я даже укажу вам способ: достаточно напомнить царю о вашей первой записке к нему. И, если вы боитесь, что имя Панина устарело, то прибавьте лишь, что Панин был лучшим другом и советчиком наследника, может быть, является им еще и теперь. Тогда, сударыня, вы, поистине, будете на высоте положения.

— Ты сатана в образе человеческом! — вскрикнула баронесса и, хлопнув дверь, выскочила из комнаты.

Пален, погружившись в глубокое раздумье, неподвижно сидел в своем кресле. Затем он позвал Степана Варуленко, который теперь служил у него и был ему чрезвычайно предан. Он спросил, хорошо ли Степан рассмотрел баронессу Остерман и в состоянии ли он узнать ее? Степан ответил утвердительно.

Царь продолжал неистовствовать. Надо было спешить. Выпады царя против отдельных лиц Пален обезвреживал или оборачивал для своих целей. Но слабоумные выходки царя в делах внешней политики, даже исправленные Паленом и работавшими с ним дипломатами, неминуемо должны были привести Россию к катастрофе. Совершенно неподготовленная в хозяйственном смысле война с Англией в корне подорвала бы престиж и торговлю страны...

Страх за свою жизнь все усиливался в царе. Боясь отравления, он нанял английскую кухарку и поселил ее в своем флигеле. На обязанности английского врача, в неподкупности которого Павел был уверен, лежало следить за здоровьем царя неотступно. Он подозревал свою семью так же, как и всех окружающих, и совершенно отделился от нее.

Только Анну Петровну он любил безумной, беспомощной, жестокой и в то же время нежной любовью. Он был добр и внимателен к ней и осыпал ее подарками; он упивался ее телом и цеплялся за ее молодую жизнь. „Не оставляй меня одного, Аннушка, голубка! Не покидай меня!“—твердил Павел постоянно: „Умрем вместе, Анна, ведь я скоро должен умереть!“

Из тяжелых кошмаров рождались предчувствия и представления, превращавшие Павла почти в ясно-видца.

— Я знаю, что они убьют меня, Анна,—повторял он.— Неужели я такой скверный человек, что они хотят убить меня, как бешеную собаку? Но ведь я — хороший царь! Россия велика, но она вся дрожит, услышав мой рев. И знаешь, Анна, я вовсе не хочу творить зло. Или я стою так высоко, что уже не отличаю добра от зла?.. Нет, они меня не понимают, они ненавидят меня за то, что я происхожу из проклятого рода. Слышишь, Анна, я открою тебе тайну: моего отца убили, может быть, убьют и моего сына, как и меня, и моего внука... до тех пор, пока не умрет царская Россия?

Анна Петровна, плача от страха, прислушивалась к этому горячечному бреду. „Спаси его! Спаси его!“ Ее голова лихорадочно работала, ища опоры. Она бессмысленно бормотала, звала, кричала:

— Пален! Пален! Пален!

Царь поднял голову. Его глаза выражали муку и тревогу.

— Пален? Ты его любишь? — прошептал он.

— Нет, нет!

— А я люблю его, голубка; ведь сказано в писании: „любите своих врагов“.

На следующий день царь, прервав какой-то незначительный разговор, неожиданно схватил графа Палена за руку и спросил запальчиво, с дрожью в голосе, но с твердым намерением узнать правду:

— Граф, были ли вы в Петербурге в те дни, когда моего несчастного отца лишили трона и жизни? Были ли вы в Петербурге в 1762 году?

— Был, — равнодушно ответил Пален.

— Принимали ли вы в этих событиях прямое или косвенное участие? Я требую правды! Ваш ответ не повлияет на мое отношение к вам.

— Ваше величество, — улыбнулся Пален, — какое отношение мог иметь к великим государственным событиям 17-летний гвардейский ефрейтор, только что научившийся правильно отдавать честь? Неужели я выгляжу таким отжившим и старым, что мне можно приписать подобную энергию 40 лет тому назад?

Павел избегал встретиться с прямым, холодным взглядом стальных глаз Палена, но ему показались подозрительными его последние мудреные слова. Не проговорился ли этот, обычно столь выдержанный человек, не сказал ли лишнего словечка? Царь некрасиво закусил губу с тем сладострастным выражением, которое всегда появлялось на лице перед жестокой расправой. Он сказал, глядя в сторону:

— Граф, вы самый сильный из окружающих меня людей. Я совершил бы величайшую несправедливость, если бы считал вас неспособным на всякое деяние.

Он оскорбительно подчеркнул слово „всякое“. Пален, молча наблюдал за дарем. Лицо Павла дергалось, как под ударами бича. Он говорил хриплым от волнения голосом:

— Может быть, я много знаю, граф, но не знаю одного: обладаете ли вы достаточной решительностью, чтобы признаться мне в лицо, мне, вашему государю, что трагедия 1762 года снова повторится в нынешнем году, может быть, даже в этом месяце.

Пален ответил совершенно спокойно:

— Государь, вы не ошибаетесь. Образовалась тайная организация, к которой принадлежу я сам, имеющая целью...

Он остановился. Павел внезапно прыгнул за письменный стол и выхватил из ящика пистолет.

— Браво, браво, господин губернатор! — визжал он: — ваше рыцарское прямодушие будет вознаграждено по-царски!

Он направил пистолет на Палена, который на мгновение закрыл глаза и распростер руки в каком-то странном вдохновении. Царь опустил оружие.

— Пален! — крикнул он. — Вы не договорили. Ради всего святого скажите правду, кончайте правду так, как хотели досказать ее раньше!

Лицо Палена было блее сукна его мундира, туго обтягивавшего широкую грудь; но глаза снова глядели холодно и неприступно; он стоял, широко расставив ноги, с поднятыми руками, и крикнул стальным голосом, точно выкрикивал оскорбление:

— с целью спасти святую жизнь вашего величества.

Павел хихикнул, но в глазах его были слезы. Лицо его сразу обрюзгло.

— Так что... я... сам... себя... чуть не лишил... На один волосок!..— заикался он и тут же прибавил с кривой усмешкой: — если это только правда, если все это правда! Но что же в этом неправдоподобного? Разве я сделал вам что-нибудь плохое, Пален?

Губернатор отступил, точно под ударом хлыста... Этот вопрос больно ударил его по нервам. В самом деле, что плохого сделал ему Павел? Зачем травил он его, как зверя, на смерть? Этот человек поднял его на небывалую высоту; какое же ему дело до страны?

Холодный пот выступил на лбу Палена. Царь, весь сжежившись, с бессмысленным взглядом тусклых глаз, беспомощно шевелил губами:

— Братец, разве я когда либо причинил тебе зло?

Пален отчаянно боролся с охватившей его жалостью и благодарностью. Он придумывал в этот момент средство, чтобы спасти этого несчастного, больного человека. Он с болью сознавал, что уже никакими силами не удержать лавину.

Сердце Палена сильно билось в груди.

Вдруг царь радостно взвизгнул.

— Пален плачет! Пален плачет! Кто во всей России мог бы подумать, что Пален умеет плакать?

Павел, хихикая, топтался вокруг Палена.

— Какое умиление, господин губернатор! Какое непривычное зрелище! Одно из двух: или вы, действительно, старше и слабее, чем вы думаете, или же в вас заговорила нечистая совесть.

Пален с такой силой сжал кулаки, что толстые перчатки затрепали по швам. Он дико засверкал глазами:

— Государь, я плачу от преданности вам и от жалости к вам,— ибо то, что я обязан сказать вам сейчас по вашему требованию, потрясло бы каждого человека, отца же может довести до безумия.

— Что это значит?— закричал царь, опираясь о письменный стол.

— Государь, прикажите арестовать наследника. Он участвует в заговоре против своего отца.

— Александр!— заревел Павел с пеной у рта.— Тащите его в тайный суд! Велите расстрелять его в 24 часа!

— Ваше величество,— возразил Пален твердо,— это явилось бы сигналом к перевороту. Наследника любят, его популярность в армии велика. Если вы дорожите своей жизнью, послушайтесь моего совета: дайте мне письменное полномочие препроводить его высочество в Петергофскую цитадель и дайте мне право воспользоваться этим документом в нужный момент.

Павел долго смотрел ему в глаза.

Затем он быстро написал приказ об аресте наследника.

VII.

На следующий день, 20 марта, Валериан Зубов направился к Александру, который глубоко уважал любимца Екатерины, и доложил ему о приказе царя арестовать наследника. Смертельно испуганный Александр, до сих пор не решавшийся утвердить Паленский план переворота, теперь почти перестал сопротивляться. Пален, придумавший этот маневр и ожидавший теперь результатов Зубовской атаки, поспешил

ему на помощь и быстро рассеял последние сомнения наследника, показав ему приказ об аресте. Наследник поклялся заговорщикам поддержать их и принять царскую корону, если они гарантируют ему жизнь царя. Зубов поспешил ответить, что в их намерения входит только принудить государя к отречению от престола. Александр посмотрел на губернатора.

— Граф Пален,— сказал он:— если вы своим честным словом облегчите мою совесть, вы можете рассчитывать на мою дружбу.

Пален ответил очень серьезно:

— Ваше высочество, я освобождаю вашу совесть и принимаю все на себя. Честного слова я дать вам не могу; вы понимаете меня или поймете впоследствии, но я ручаюсь вам за жизнь царя своей собственной жизнью.

Александр сильно побледнел, но все-таки торжественно заявил свое согласие. По губам Палена чуть заметно скользнула ирония. На вопрос наследника он сказал, что переворот будет совершен в тот день, когда на караул в Михайловском дворце станет Семеновский полк.

— Мой полк?— удивился Александр.

— Ваш полк, перешедший на нашу сторону, подобно остальным полкам гарнизона, будет иметь честь первым присягнуть новому царю.

— Когда это будет?

— В ночь с 23 на 24.

— Пален, вы слишком уверены в будущем. Вы уже назначили сроки. Что же было бы, еслиб я не дал своего согласия ни сегодня, ни завтра, ни 23?

Пален пожал плечами.

— Переворот все-таки совершился бы.

VIII.

Теперь у царя появилась новая тактика, грозившая помешать выполнению намеченного плана: он заставлял Палена постоянно находиться при нем, так что губернатор с большим трудом урывал время для наблюдений за последними приготовлениями заговорщиков. Однажды, 22 марта, царь спросил Палена полусуто, велико ли будет разочарование заговорщиков, если он внезапно соберется в Москву. Пален знал, что эту опасную мысль внушила Павлу Анна Петровна. Он засыпал царя делами внешней политики и преувеличил их значение до необычайных размеров. Конечно, ни одна из многочисленных нот не дошла до курьерской сумки. Монарх вскоре забыл о своем плане бегства.

Пален встречался теперь с баронессой Остерман лишь по вечерам, когда ужинал у царя. Вечером 22 марта его сопровождал во дворец Степан, наклеивший фальшивую бороду. Он помог своему господину раздеться, молча кивнул головой в ответ на краткое его распоряжение (стоящий вблизи гусар принял это распоряжение за приказ относительно экипажа) и вернулся в вестибюль. Но он не спустился по лестнице, а завернул в маленький коридор и незаметно проскользнул в комнатку, примыкавшую к царской передней.

Царь, против обыкновения, много пил, но внешней шумной веселостью не мог скрыть внутреннего беспокойства. Иногда он внезапно замолкал среди хохота и грубых шуток и, неподвижно глядя перед собой, углублялся в себя, точно прислушиваясь к внутреннему голосу

Эти секунды были мучительны для окружающих. Пален, всегда скупой на слова и задумчивый, в этот вечер старался оживить царя анекдотами. Анна Петровна казалась утомленной; она натянуто улыбалась, когда рука Павла прикасалась к ней. Глухо и вяло тянулись часы, вязкие, как кипящая смола. Павел вдруг сердито спросил:

— А Александр? Когда же, наконец, его арестуют?

Пален, оторванный от своих мыслей, ответил наугад:

— Завтра вечером.

Баронесса стала внимательнее; Пален видел, что она наблюдает за ним из-под полузакрытых век. Он снова обратился к государю и с легким поклоном прибавил:

— Ваше величество, оставим политику, не будем докучать баронессе.

Но галантность, как видно, мало занимала царя в этот момент. Опустив голову на руки, он уставился в одну точку и проговорил:

— Что будет завтра вечером?

Случилось необычайное: раньше, чем Пален успел ответить на тягостный вопрос, Анна Петровна бросилась к ногам царя и обняла его колени.

— Государь,— молила она,— не спрашивайте Павлена, ведь он не может не лгать; велите ему уйти и спросите тогда меня.

Павел смущенно гладил ее волосы.

Пален сказал холодно:

— Сударыня, вы пьяны.

Царь засмеялся:

— Мне кажется, голубка, что ты в самом деле пьяна.

Анна быстро вскочила, закрыла лицо руками и простонала:

— Государь, арестуйте его, казните его!

Царь смеялся... Пален смеялся:

— Баронесса, вы пьяны!

Баронесса подняла голову, побежала к двери, но внезапно остановилась, точно ослепленная блеснувшей мыслью, и, прыгнув сзади на Палена, пыталась схватить его за горло. Но он легко стряхнул ее с себя. Царь смеялся. Она бросилась вон из комнаты. Пален вторил царю громким хохотом, как будто боялся тишины; но царь, оборвав смех, прервал его, прислушиваясь с остановившимся взглядом:

— Что это за шум?

Они оба прислушались. Было тихо. Но царь не успокоился. Четверть часа спустя, он снова спросил:

— Почему же ее нет, Пален?

Около полуночи губернатор попросил разрешения уйти.

— Почему же она не идет? — повторил царь, не слушая Палена.

— Она, вероятно, ушла спать, — ответил тот, пожимая плечами.

Царь пошел в будуар, отделенный от его покоев передней и маленьким коридором. Он отдал этот будуар в распоряжение Анны. Он вернулся унылый: ее там не было.

— Нет ничего удивительного, — сказал Пален: — она, вероятно, воспользовалась моим экипажем и поехала домой. Баронесса, верно, чувствует себя обиженной или, может быть, боится, что совершила глупость. Я успокою ее завтра.

Он вышел в переднюю и крикнул:

— Иван!

Степан тотчас же появился в дверях с пальто и шляпой.

— Не видел ли ты баронессу Остерман? — спросил Пален слугу.

Степан, помогая господину одеться, ответил, что отвез ее домой, по ее приказанию.

— Вам придется провести эту ночь в одиночестве, ваше величество, — улыбнулся Пален.

Царь удержал его руку в своей:

— Остаться одному? — спросил он тихо и жалобно.

Он был похож на ребенка, ожидающего наказания. Казалось, жизнь вытекала из его лица; она мерцала лишь в тусклых глазах. Пален испугался серой массы, которая приближалась к нему с поцелуем.

— Петр! Братец! Останься со мной! — шептал Павел.

Одна за другой гасли свечи в канделябрах. Пален видел, как умирали огни, как они судорожно и криво вытягивались в предсмертной агонии и тихо гасли, — как застывали восковые слезы.

Царь, забравшись к нему на колени, давил его свинцовой тяжестью. От него несло вином и испарениями больного тела. Он закрыл глаза и бормотал в полусне, у самого уха Палена:

— Ах, ты дал мне... эту женщину... и отнял ее... у меня. Но... не ты дал мне жизнь... не ты... понимаешь?

Он отяжелел и прижимал согнутые колени к груди Палена, с трудом переводившего дыхание в тесном объятии. Павел дышал так тихо, что Палену в этот мрачный, мучительный час казалось — и волосы становились дыбом на его голове — будто это уже труп давит его своей тяжестью. Но через некоторое время Пален снова услышал шопот:

— Видишь, Аннушка, голубчик! он мог бы теперь... убить меня... если бы хотел! Он... не хочет... убить!..

Царь заснул. Пален осторожно поднял его и отнес в спальню. Он приказал камердинеру раздеть его, а сам ушел, слегка опираясь на Степана.

Анна Петровна лежала в экипаже, все еще в обмороке от удара по затылку, нанесенного ей Степаном. Голова ее была закутана в платок. Когда экипаж тронулся, она проснулась и, ничего не соображая тихо спросила:

— Где я?

— У меня, в моем экипаже, — мягко ответил Пален и погладил ее руку. — Ты проиграла игру, Анна!

— Что ты хочешь сделать со мной, Пален? Ведь я — женщина.

— Да женщина; но, несмотря на это, ты единственный противник, ставший для меня опасным. Я уважаю тебя за это, Анна; но я несу ответственность за большое дело и не вправе думать теперь о галантности.

— Что это значит?

— Ты моя пленница. Я говорю серьезно, Анна. Если ты осмелишься бежать, ты поставишь под угрозу свою жизнь. Эту ночь ты проведешь в моем доме; тебя будут сторожить. Спи спокойно. Завтра утром тебя рано разбудят и отвезут на мою петергофскую дачу. Там тебя запрут и будут держать до после-завтра.

— А потом?

Пален пожал плечами.

— Потом ты будешь свободна.

— Тогда царь уже будет убит? — спросила она тихо

— Да.

Баронесса погрузилась в размышление. Они молча продолжали путь. Наконец, экипаж остановился.

Пален отвел баронессу в предназначенную для нее комнату. Поцеловав ее в лоб, он притянул ее лицо к своему.

— Посмотри еще раз на этого Палена, — сказал он, и углы его рта странно подергивались. Она воскликнула испуганно:

— Ты боишься за себя, Петр?

Он засмеялся:

— О, нет, я не боюсь за себя!

Пален вышел из комнаты, нарочито громко повернул ключ в замке и отдал ключ Степану. Затем, он поспешил в свой кабинет, где его с нетерпением ждали братья Зубовы, Беннингсен и остальные гвардейские командиры, принимавшие участие в заговоре.

IX.

Настала ночь на 24 марта. Днем царь был спокойнее и сосредоточеннее обыкновенного. Он, как всегда, работал с Паленом, почему-то не упоминал имени баронессы Остерман и провел весь день за делами, работая с обычной беспорядочностью. Пален доложил ему, что сегодня вечером наследник будет арестован; поэтому, царь освободил его от ужина, но выразил странное желание видеть у себя за ужином одного из главных заговорщиков — генерала Талызина. По совету Палена, генерал, за час до ужина, извинился, сославшись на нездоровье, и не пошел во

дворец. Офицерский отряд, состоявший приблизительно из 60 человек, около 10 часов вечера собирался в доме генерала Талызина, еще не зная, что переворот совершится в эту ночь. Офицеры явились в парадных мундирах с орденами и много пили. Близость великих событий тяготела над ними: они пили и не пьянели. Серьезная, решительная готовность совершить деяние, точный смысл которого они еще не знали, наполняла их какой-то непонятной важностью. Уже несколько недель тому назад они признали своим долгом действовать и ждали приближения жуткого часа, после которого они сумеют дать покой натянутым нервам.

Около полуночи в залу вошел граф Пален. Его лицо было спокойно. Губернатора сопровождали Валериан и Платон Зубовы, Беннингсен, Талызин, остальные командиры гвардейских полков и Степан, облаченный в форму кавалерийского офицера.

Офицеры поднялись с мест. Пален остановился посередине комнаты и сказал:

— Господа! в эту ночь Россия будет освобождена от тирана. В эту ночь Александр станет нашим законным монархом. Да здравствует Александр I.

— Да здравствует Александр I, — повторили офицеры.

В этот момент открылась дверь и в комнату, отстраня вестовых, вошел худощавый человек с узким лицом, в штатском платье. Это был царский лейб-медик, доктор Грайв. Пален, только что собиравшийся объявить офицерам порядок действия и определить группировку, с досадой поднял голову. Люди расступились, и от Палена к вошедшему врачу, как бы сама собой, образовалась дорога

„Господа! в эту ночь Россия будет освобождена от тирана“.

— Это вы, господин доктор?— удивленно и почему-то испугавшись, спросил он. Что привело вас сюда?

— Его величество поручил мне убедиться в нездоровьи генерала Талызина, — совершенно спокойно ответил врач и направился к генералу.

— Его надо устранить! — слышались взволнованные голоса.

Маленький казачий офицер, размахивая кривой саблей, бросился к англичанину.

— Назад, спокойствие! — загремел Пален и преградил путь к врачу. — Господин доктор, — обратился он затем к лейб-медику: — вы сами понимаете, что пришли несколько не во-время. Генерал Талызин здоров, но в виду того, что царские приказания, ради благополучия страны, лишены силы, я, в качестве генерал-губернатора, освобождаю вас от данного вам поручения. Вы покинете этот дом лишь завтра утром.

Англичанин, не произнося ни слова, холодно глядел на говорившего. Талызин приказал своему адъютанту позаботиться о комнате для доктора и об охране его. Доктор молча последовал за офицером.

В час ночи Пален подал знак к выступлению. Ночь была серая и холодная. По улицам, ведущим к Михайловскому дворцу, маршировали войска. Когда солдаты со всех сторон проникли в летний сад, огромная стая вспугнутых ворон, каркая и шумя крыльями, поднялась с деревьев. Гвардейцы, вздрогнув, умили шаг.

В два часа ночи дворец был оцеплен. Пален собрал заговорщиков на дворцовом дворе. Он приказал братьям Зубовым и Беннингсему в сопровождении

30 офицеров (в том числе был и Степан) проникнуть в царскую спальню и заставить государя отречься от престола.

— А вы, Пален?— тихо спросил Валериан:— вы не пойдете с нами?

— Нет,— ответил губернатор сквозь зубы:— я буду в резерве.

— Это пахнет трусостью или изменой,— прошипел князь Платон.

Пален оглядел его с презрением.

— Граф, вам бы следовало поучиться у меня мужеству. Разве вы не понимаете, что мое присутствие привело бы к бесполезным осложнениям? Я знаю, чего хочу. Время не терпит! Согласны ли вы исполнить приказание?

Беннингсен резко заметил:

— Граф Платон, в час наступления солдат не смеет нарушать дисциплину.

Платон Зубов, качая головой, направился с другими во дворец. Степан повел их к витой лестнице, которая непосредственно вела из сада к царскому флигелю.

Пален остался во дворе, молчаливый и неподвижный.

Х.

Царь недавно заснул. Молчаливый Грайв не способствовал за ужином веселью. Царь внезапно приказал ему проверить правильность отговорки генерала Талызина и с злорадной улыбкой представлял себе смущение генерала; в наказание за неслыханно дерзкое поведение он решил перевести его в провинцию. В час ночи, не дождавшись возвращения врача, который должен был ночевать у него на диване, он

угрюмо велел себя раздеть и тотчас же заснул, с тяжелой от вина головой.

Карканье вспугнутых ворон разбудило его, прервав тяжелый сон. Он быстро поднялся и прислушался. Тяжесть в груди стесняла дыханье. Свет лампы беспокойно трепетал, и безобразные призрачные тени скользили по стенам. Холодный пот выступил из всех пор его больного тела; страх сковал его члены, он не мог пошевелиться, не мог закричать. Ужас полз на него из всех углов комнаты. Издерганные нервы терзали воображение перекошенными от боли лицами людей, которых он заставлял пытаться в своем присутствии.

Он видел перед собой ужасные глаза Алексея Орлова, когда из старика выколачивали признание его соучастия в убийстве Петра III.

Услышав в передней голоса, поспешные шаги и затем предсмертный вопль спавшего на пороге царской спальни арапа, царь выскочил из кровати и с бессмысленным воем стал колотить в замурованную дверь, ведущую в покои царицы.

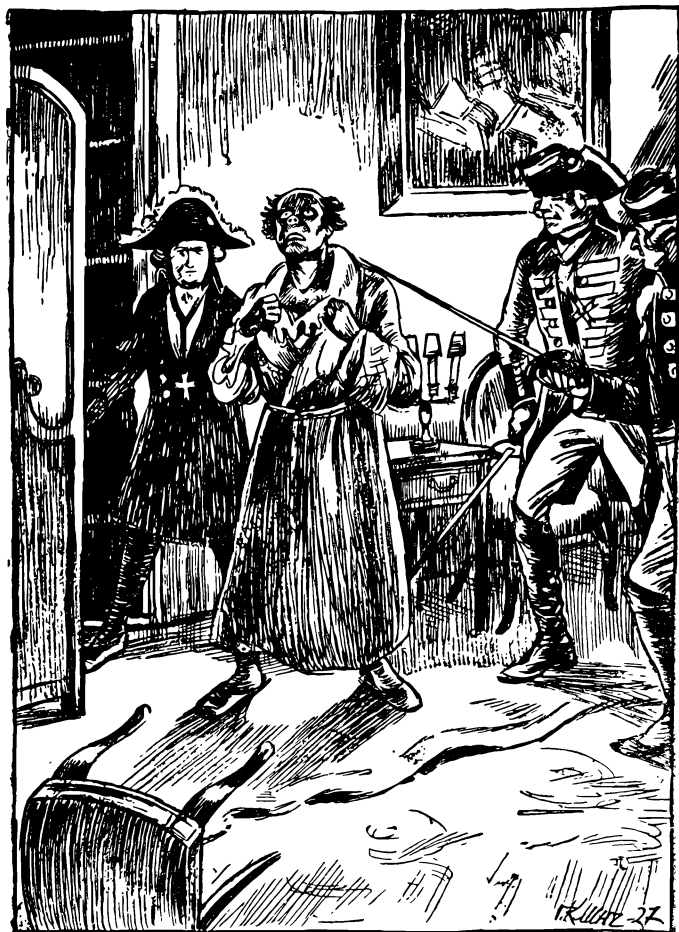
Беннингсен и Зубовы ворвались в комнату в шляпах и с обнаженными шпагами. Степан проскользнул за ними и встал у стены.

— Что вам нужно? — закричал Павел и прыгнул за ширмы перед печью.

Беннингсен выступил вперед.

— Ваше величество, вы арестованы. Вы перестали царствовать.

Зажав шпагу под мышкой, он вытащил манифест, в котором Павел I объявляет себя неспособным царствовать и передает престол своему сыну Александру.

Павел тряс кулаками в воздухе и кричал: „Я — цари!
Я остаюсь царем“.

— Александр! — заревел царь. — Александр!

— Ваше величество, — воскликнул Валериан Зубов, — сохраняйте спокойствие. Дело идет о вашей жизни. Именем императора Александра I мы предлагаем вам подписать отречение от престола.

Павел тряс кулаками в воздухе и кричал:

— Я — царь! Я остаюсь царем!

Платон Зубов приблизился к ширмам, чтобы вытащить оттуда царя. Павел заревел в ужасе:

— Кто вы?

— Я Платон Зубов.

— Клянусь богом, — стонал Павел, — вы похожи на моего сына Александра! Ради всех святых скажите, вы не мой сын Александр?

Платон остановился в ужасе; он, в самом деле, был несколько похож на наследника. Его глубоко потрясло сознание, что смятенная душа царя в этот страшный час мучилась таким сомнением.

— Ваше величество, я, действительно, Платон Зубов и прошу вас подписать этот манифест, если вам дорога жизнь.

— Где граф Пален? — внезапно спросил Павел.

Никто не знал, как ответить ему на этот вопрос.

— Пален! — закричал царь. — Пален! На помощь!

Он выскочил с неожиданной силой из-за ширм, промчался мимо Платона, выхватил шпагу из рук изумленного Беннингсена и бросился к выходу. В этот момент Степан снял с себя перевязь и сбросил на пол свечу, освещавшую комнату. Раздался голос Беннингсена: „Света! Света!“ Темнота и ужасное смятение длились две минуты. Из соседней комнаты прибежал Валериан с факелом.

Царь лежал по середине комнаты, задушенный желтой офицерской перевязью, с раздробленным черепом. Заговорщики молча оглядывали друг друга.

Пален стоял на пороге. Никто не знал, кто его позвал. Он вошел в комнату, обнажил голову и подошел к трупу. Ни один мускул не задрожал в его лице. Он сказал тихо и спокойно:

— Трагедия окончилась! Мы должны были рассчитывать на этот исход.

Он опустился на колени, осторожно просунул руки под плечи и ноги трупа, отклонил движением головы помощь подошедшего Валериана Зубова, поднял тело и медленно понес его к кровати. Мягко опустив труп на постель, он поднял свисавшие руки, поцеловал их и сложил крестом на груди. Присутствующие, задержав дыхание, следили за его движениями.

Пален оставил у дверей царской спальни охрану в 30 офицеров и приказал им никого не впускать в царские покои.

ХІ.

Пален отправился с Валерианом Зубовым к Александру. Наследник лежал одетый на походной кровати, готовый к бегству в случае неудачи. Он вскочил бледный, как полотно.

— Ваше величество, — заговорил Пален, — царь Павел I не царствует больше на Руси.

Александр пошатнулся. Он бормотал запынаясь:

— И... что... с ним... теперь?..

Пален посмотрел ему в глаза.

— Он мертв, — сказал он.

Александр согнулся с перекошенным лицом, точно эти два слова тяжело ударили его по голове. Он говорил хриплым голосом:

— И убийца решается явиться ко мне? Вы ожидаете от меня тридцать серебряников, господин губернатор? Вы, может быть, думаете, что я сделаю вас за это князем?

Пален с таким бешенством двинулся на Александра, что тот отступил к стене. Зубов встал между ними.

— Ваше величество, — сказал Валериан, — постарайтесь успокоиться. Графа Палена не было в комнате, когда против нашей воли совершилось убийство. Мы вели переговоры с царем, который выступил против нас со шпагой в руке. В суматохе была сброшена свеча, и царя задушила неведомая рука. Вот — истинная правда.

— Нет, это неправда! — дико закричал Пален. — Я убийца!

Он отодвинул Зубова в сторону и продолжал, сразу успокоившись:

— Ваше величество, подумайте немного, и вы перестанете оскорблять меня. Помните, я принял на себя вашу совесть? Ваше величество, на мне теперь бремя двух совестей. Именем вашей совести я призываю вас молчать.

Александр приоткрыл рот, слезы потекли по его щекам: он медленно наклонился вперед, и, наконец, рыдая, упал на пол.

Пален холодно глядел на распростертого на полу нового императора.

После некоторого молчания он снова заговорил:

— Мое дело скоро, очень скоро будет закончено. Вам не придется ни вознаграждать меня княжеским

титолом, ни предавать меня военному суду. Моя работа кончается. Ваша начинается. Действовали ли мы и будем ли действовать на благо страны, — этот вопрос решит история. Исполнение вашего долга начнется с момента подписания этого манифеста; а когда вы подпишете его, мой долг будет совершен. Встаньте, ваше величество!

Царь встал, опираясь на Зубова. Манифест возвещал народу, что царь Павел I скончался этой ночью от удара, и что царь Александр I вступил на престол своих предков. Царь подписал его. Тотчас же были разосланы по казармам адъютанты с приказом — вести войска к присяге новому царю.

Когда Пален прощался с Александром, то задержал его руку в своей и посмотрел на него, будто желая о чем спросить его или попросить. Но только сказал:

— Всего хорошего!

.....

Было уже около 6-ти часов утра, когда Пален вернулся домой. Утро было такое же серое, холодное и пасмурное, как минувшая ночь. Степан ожидал своего господина, вытопил кабинет и поставил, согласно приказания, бутылку перцовой водки на письменный стол.

Город уже проснулся. Известие о смерти царя бурей проносилось по улицам Петербурга. Радостные крики толпы проникали в кабинет Палена. Он сидел за письменным столом, утомленный и постаревший, приводил в порядок и рвал бумаги. И беспрерывно пил. Степан спал в кресле, неподалеку от двери.

Окончив просмотр бумаг и заперев письменный стол, Пален положил перед собой чистый лист бумаги, потянулся и закричал:

— Степан, пора вставать!

Тот вздрогнул и протер глаза. Пален позвал его к столу, наполнил чайный стакан водки и сказал:

— Вот тебе, молодец, пей! Нам обоим еще раз надо набраться храбрости! Только не пей так много, как я, слышишь?

Степан выпил залпом водку и вытер рот ладонью. Пален снова наполнил его стакан.

— Как ты думаешь, Степан? — спросил он, набивая трубку: — почему я все это сделал?

Степан пожал плечами и подавил зевок.

— Ладно, ладно, дорогой, — улыбнулся Пален: — я этого тоже не знал; ведь вот теперь, когда я слышу ликующие крики народа, которого совсем не знаю, я совершенно равнодушен к ним. Ну, так кто же я по-твоему — патриот?

— Да, батюшка, великое дело ты сделал!

— Ты ошалел от усталости и водки, — засмеялся Пален: — мне кажется, что я вовсе не патриот. Потому что, послушай-ка Степан, если бы царю удалось сбежать от тебя, я спас бы его и перестрелял бы вас всех. Поэтому я и ждал во дворе. Что ты на это скажешь, Степан? Может быть, это потому, что я подлец? Но если я; действительно, подлец, зачем же я напиваюсь теперь до беспамятства, чтобы не видеть, как ты подымешь пистолет и отправишь меня на тот свет? Почему же я в таком случае приказал тебе убить меня и себя самого?

— Не знаю, батюшка!

Пален смеялся и пил.

.....
Когда поблизости, на Исакиевском соборе часы пробили восемь, слуги Паленского дома были встречены двумя довольно быстро следующими один за другим выстрелами. Они проникли в рабочий кабинет графа и нашли его с простреленной головой возле письменного стола. Степан лежал у двери с раздробленным черепом: он выстрелил себе в рот; правая рука судорожно сжимала пистолет.

Полициймейстер поспешил явиться в дом графа, чтобы самолично освидетельствовать и запротоколировать обстоятельства дела. Он нашел на письменном столе лист бумаги, на котором размашистым, крупным почерком было написано: „Ваше величество, не учитесь ничему у меня“.

Преданный слуга молодого царя считал себя вправе уничтожить записку. Совершившееся он запротоколировал как политическое убийство.

— Этот дикий Пален всегда любил непонятные вещи, — подумал полициймейстер.

ГОСИЗДАТ

ВЫШЕЛ, ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ
И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ

Производственный Журнал

№ 1

Популярный, двухнедельный иллюстрированный орган ВЦСПС и НКРКИ СССР, посвященный вопросам организации производства и управления.

Цена
15 к.

Отв. редактор А. З. ГОЛЬЦМАН.

№ 1

Цена
15 к.

СОДЕРЖАНИЕ.

Статьи.— Ладь телегу вымой.— Н. Богданов. Как надо строить.— А. Розенберг. Рационализация в области строительства.— Пок. За качество построек.— Я. Гольберг. Что может дать автотранспорт строительству.— Алексей Ган. Современная архитектура в строительстве. Новое строительство.— С. А. Кукель. Электро-строительство в СССР.— В. Морозов. Строительство текстильных фабрик.— Ванцвайг. Строительство в стекольной промышленности. Ошибки строительства.— Левин. Поменьше ошибок.— Глаз. Примеры неудачной механизации.— В. М. Гримасы нашего строительства. По постройкам.— Дж. Угольный. Сердца и нервы шахт.— Крупнейшая доменная печь. Норд. Новый карбидный завод в Баку.— И. Родионов. Здание центрального телеграфа в основном закончено.— М. Шварц. На стройке „Нового Донбасса“.— Максимыч. Восстанавливаем завод.— А. Строкин. Строительство на Кизел-копях.— Строитель. Строительная выставка.— А. Гирев. Собственными силами.— Красноборский. Стройка на ф-ке им. В. Слуцкой.— Внатовец. В три раза.— Производственные совещания в строительстве.— Гаев. Производственные совещания помогают строительству.— В. Застецкий. Производ-совещания и капитальное строительство.— У московских строителей.— Н. Петров. Удешевить строительство на 15% можно.— Будня.— Изобретательство.— Накладные расходы.— Строительство за границей.— Группа машин по производству строительных материалов.— Непрерывно действующая бетономешалка.— Новый способ просушивания сырых помещений.— Авиационная наука и изучение прочности зданий.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Вкладной лист „Техническая консультация“. Цена номера 15 коп. Подписная цена: на год 3 р. 25 к., на полгода 1 р. 75 к., на 3 месяца 90 к., на месяц 30 к. Подписки принимаются: Главной Конторой Периодических Изданий Госиздата, Москва Центр, Рождественка, 4, телеф. 4-87-19 и 5-88-91, в магазинах, киосках и провинциальных отделениях Госиздата, у уполномоченных, снабженных соответствующими удостоверениями, во всех киосках Всесоюзного Контрагентства печати, а также во всех почтово-телеграфных конторах и у письмоносцев. Продажа отдельных номеров во всех магазинах и киосках.

РАБОЧИЙ! ТВОЯ ГАЗЕТА РАБОЧАЯ МОСКВА

орган МРВКП(б) Моск. Совета и МТСРС

Дает тебе в 1928 году
БЕСПЛАТНО
КНИГИ 24 КНИГИ

по 2 кн. ежемесячно
рассказы,
повести,
летопись,
воспоминания.

и, кроме того,
ряд брошюр

по вопросам текущих событий
и политики
подписная
цена

50 коп.
в месяц

на газету

со всеми
приложениями

Москва Ливерская 42, изд-во "Рабочая Москва"

ПУДРА КРЕМ „АНГО“

ПУДРА

тонка, нежна и
хорошо пристает,
не уступает лучш.
загранич. маркам

КРЕМ

против загара и
веснушек, придает
исключительную
близину коже.

требуйте везде

НЕ ЗАБУДЬТЕ в 1928 г.

ВЫПИСАТЬ своему ребенку лучший детский журнал

„И С К О Р К А“

В КАЖДОМ НОМЕРЕ: рассказы, стихи, рисунки, загадки, шарады.
К каждому номеру приложения: красочные листы—театры, лотто, игры и пр.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 1 мес.	— р. 35 к.		на 6 мес.	2 р. 10 к.
„ 3 „	1 „ 05 „		„ 1 год	4 „ 20 „

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва, Тверская, 42, Издательство „РАБОЧАЯ МОСКВА“.

НЕСМЫ-
ВАЕМЫЙ ГРИМ
ГЛАЗ

БАСМА-ХЕНЗ

ЖИДКИЙ
ХИМ.-ПАРФ.

А. И. Зыкова

моментаально окра-
шивает **волосы**

бровей, ресниц, усов в любой цвет, не смыв. мылом 4—5 недель.
Не пачк. лица, платья, не отлич. в жизни от природы., безвредн.

Коробка на год—3 руб., полгода—2 руб.

Специальная краска для волос головы—4 р. 50 н.

Лаборатория „ОРЭАЛЬ“. Москва, Тверская, 68/р.

~~Цена 20 коп.~~

Бесплатное приложение к газете «Рабочая Москва».